

ДЖОРДЖЪ КЕННАНЪ

947
K.33.

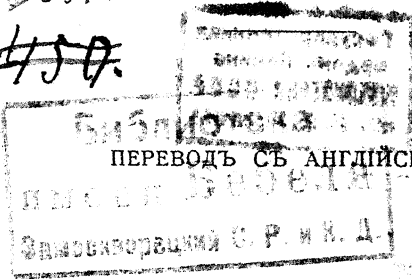
СИБИРЬ

И

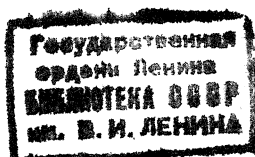
ССЫЛКА

30577.

~~С. 2279~~
~~450.~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906.—ИЗДАНИЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО.

22148 - 48

Типо-Литография Н. Л. Нырина. Изм. поле, 7 рота, д. № 13.

А

Отъ автора.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію Сибири и изложенію той системы ссылки, которая практикуется до сихъ поръ въ Россіи, я долженъ упомянуть о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я предпринялъ мою поѣздку въ эту часть обширнаго русскаго государства, и, вообще, высказать мои взгляды на русскіе порядки, которые я въ то время имѣлъ. Уже въ 1879 г. возникла у меня мысль изслѣдовать наименѣе извѣстныя части Сибири и въ то-же время изучить подробно пересыльную систему. Если судить по тѣмъ наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ моего пребыванія въ этой странѣ, а также во время моего путешествія оттуда въ С.-Петербургъ, изслѣдователя ожидало на этомъ поприщѣ чрезвычайно много интереснаго и до тѣхъ поръ не описаннаго. Конечно, русскіе, обладающіе около трехсотъ лѣтъ этой страной, были сравнительно знакомы съ ней, но для американца она была такая-же terra incognita, какъ Центральная Африка или Тибетъ.

Убіиство Александра II въ 1881 г. и ссылка значительнаго числа русскихъ революціонеровъ въ Забайкальскіе рудники усилили еще болѣе мой интересъ и возбудили во мнѣ желаніе не только изучить пересыльную систему, но и изслѣдовать само революціонное движеніе въ той части Россіи, гдѣ единственно можно было разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ, т. е. на мѣстѣ самой ссылки.

Напрасно было-бы искать въ С.-Петербургѣ или Москвѣ нигилистовъ или разъясненія интересовавшихъ меня социальныхъ явленій. Главные вожди революціоннаго движенія 1878—1879 гг. находились уже въ рудникахъ; найти-же тѣхъ немногихъ вожаковъ, которые ускользнули отъ бдительнаго взора императорской тайной полиціи, какъ и понятно, я не имѣлъ никакой надежды. Оставалось только одно средство: вступить въ Сибири въ непосредственное сношеніе съ сосланными нигилистами и отъ нихъ получить ключъ къ разгадкѣ интересовавшихъ меня явленій.

Много обстоятельствъ, какъ-то: отсутствіе необходимыхъ средствъ, времени и т. д., мѣшали мнѣ привести въ исполненіе мою мысль, пока мнѣ въ 1884 г. не удалось заинтересовать въ пользу моего проекта издателя „Century Magazine“, который сдѣлалъ мнѣ предложеніе отправиться въ Сибирь и обнародовать въ его журналѣ результаты моихъ изслѣдованій.

Я предпринялъ предварительную поѣздку въ С.-Петербургъ и Москву, чтобы собрать матеріалы и удостовѣриться, не поставитъ-ли русское правительство мнѣ преградъ къ выполненію моего предпріятія. Въ октябрѣ я вернулся назадъ, вполне убѣжденный, что мой планъ выполнимъ, что русское правительство вовсе не имѣетъ въ виду скрывать настоящее положеніе дѣлъ въ Сибири, и что мое литературное прошлое, по скольку я таковымъ обладалъ, давало мнѣ надежду на любезность правительственныхъ лицъ и на тѣ облегченія, на которыя всякій путешественникъ, расположенный благосклонно къ существующимъ порядкамъ, можетъ разсчитывать.

Въ самомъ дѣлѣ, мое мнѣніе о каторгѣ и объ обращеніи русскаго правительства съ политическими преступниками я изложилъ открыто и ясно въ лекціи, читанной мною въ засѣданіи нью-іоркскаго географическаго общества въ 1882 г., а также въ газетныхъ статьяхъ по поводу завязавшейся послѣ моей лекціи полемики. Я былъ въ то время твердо убѣжденъ, что Степнякъ и князь Крапоткинъ съ злымъ умысломъ извратили дѣйствительное положеніе дѣлъ, что Сибирь

вовсе не такая страшная страна, какъ воображали американцы. а что, напротивъ, изображеніе рудниковъ, гдѣ работаютъ ссыльно-каторжные, и тюрьмы, находящееся въ сочиненіи священника Генриха Ланселля, вполне соответствуетъ дѣйствительности. Нигилистовъ, террористовъ и т. д. я считалъ за неразумныхъ, закоренѣлыхъ фанатиковъ на анархистской подкладкѣ, а съ людьми этого пошиба мы въ Соединенныхъ Штатахъ въ то время какъ разъ сдѣлали не очень пріятное знакомство. Короче говоря, я былъ вполне на сторонѣ правительства и рѣшительнымъ противникомъ русскихъ революціонеровъ. Я дѣлаю особое удареніе на этомъ обстоятельстве, не потому, что мое мнѣніе имѣло особое значеніе, но потому, что оцѣнку какого-нибудь изслѣдованія можно произвести только тогда правильно, когда читателю хорошо извѣстны склонности и предубѣжденія самого изслѣдователя. Кромѣ того, на мои симпатіи къ русскому правительству, которыя я питалъ въ то время, считаю долгомъ обратить потому особое вниманіе, что онѣ объясняютъ дружелюбное отношеніе ко мнѣ властей въ теченіе всего моего пребыванія въ Сибири, полученіе мною позволенія осматривать рудники и тюрьмы и тѣ незначительныя и рѣдкія препятствія, которыя власти полагали мнѣ на пути достиженія моихъ намѣреній, даже тогда, когда мои сношенія возбуждали вполне справедливо и основательно подозрѣніе мѣстныхъ сибирскихъ властей.

Сомнительно, дали-ли бы позволеніе путешественнику, который еще раньше не заявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ существующей правительственной системы и который хотѣлъ-бы изучить пересыльное дѣло, пуститься по Сибири, и еще болѣе сомнительно, не рѣшились-ли бы власти причинить такому путешественнику серьезныя непріятности, если-бы онѣ открыли, въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ этотъ путешественникъ стоитъ къ выдающимся политическимъ преступникамъ. Только письмо русскаго министра внутреннихъ дѣлъ обезпечивало меня при частыхъ столкновеніяхъ съ мѣстной полиціей или подозрительными чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ отдаленныхъ сибир-